

Глава 18

Внезапный порыв ветра всколыхнул гладь пруда, пуская по воде мелкую рябь, в которой дрожало отражение лика, подобного нежному цветку гибискуса.

Мертвенно-бледная кожа, казалось, слегка светилась изнутри. Черты лица, точно выписанные тончайшей кистью мастера, были до того изысканны, что казались нереальными. Тонкие губы бледного оттенка и густые, точно вороново крыло, ресницы, прикрывающие глаза-фениксы, придавали этому почти пугающе прекрасному облику оттенок безмятежной и нежной красоты.

Несмотря на весеннюю пору, обладатель этого лика был укутан в тяжелые белые меха. Тонкие, словно выточенные из нефрита пальцы сжимали красную лаковую грелку, расписанную золотыми драконами и фениксами. Кончики его пальцев отливали синевой. Мужчина задумчиво смотрел в воду, погруженный в свои мысли.

За его спиной застыли ряды служанок и стражников. Хотя перед ними предстало истинное сокровище человеческой красоты, никто из них не смел даже мельком взглянуть на своего господина.

Издали послышался торопливый топот. К нему подбежал евнух в красном одеянии с фазаньим пером, пал на колени и доложил: — Ваше Тысячелетие, Его Величество изволил проснуться.

Прошло немало времени, прежде чем раздалось бесстрастное, лишенное всяких эмоций: — Хм.

Ле Тянь в этот момент буквально исходил криком внутри себя.

«Почему мой голос звучит так по-бабьи?!»

[Потому что ты — евнух]

«...У тебя матери нет...»

Евнух в красном, склонившийся сзади, обливался холодным потом. Лишь спустя долгую минуту он услышал краткое распоряжение: — Пусть люди приступят к службе.

— Слушаюсь, — отозвался слуга, про себя изрядно удивившись.

Что-то странное творилось с господином в последние пару дней. Раньше он никогда не позволял посторонним прикасаться к императору во время утреннего туалета.

Тело, в котором теперь обитал Ле Тянь, принадлежало Линь Ле Тяню — самому влиятельному и пугающему человеку в династии Юн. Глубокий интриган, сосредоточивший в своих руках безграничную власть, он оплел своими сетями всё государство. Даже нынешний Сын Неба находился под его полным контролем. Линь Ле Тянь был истинным «одним выше десяти тысяч», уступая лишь самому императору — и то лишь формально.

Его официальный статус — наиболее доверенное лицо государя, Евнух, Хранитель Печати из Управления Церемоний и глава Дунчана. В народе его шепотом называли «Девятитысячелетним».

Юноша едва сдержался, чтобы не швырнуть драгоценную грелку прямо в пруд.

«К черту всё! Какой еще, к лешему, евнух?! — прорычал он в сторону Системы»

[А в чем проблема? Разве люди не падают перед тобой ниц? Разве ты не обладаешь всей полнотой власти в стране? Мы, Системы, никогда не лжем]

«Я не желаю разговаривать с Системой, у которой нет матери»

[Ну, справедливости ради, — смущенно добавила Система, — тебя же не кастрировали. Ты — природный евнух]

«Заткнись!»

Линь Ле Тяню от этого стало только хуже. Ему было уже под тридцать, но выглядел он нежнее и прекраснее юной девы. Бледный, тонкокостный... Из-за своего врожденного недуга он еще ребенком был отдан в императорский дворец, где перенес неисчислимые страдания. И хотя теперь он занимал высочайшее положение, здоровье его было подорвано. Стоило ему разволноваться или разозлиться, как на бледных щеках тут же расцветал нежный румянец, делая его похожим на распустившийся цветок гибискуса.

— Ваше Тысячелетие, ветер крепчает. Позвольте вашему слуге проводить вас в покои? — заметив этот румянец, один из приближенных евнухов поспешил предложить помощь.

Ле Тянь не проронил ни слова. Поджав губы, он медленно поднялся сам. Медленно, шаг за шагом, он пошел по дорожке, вымощенной галькой. Свой путь он должен пройти сам!

Однако, сделав несколько десятков шагов, он всё же вынужден был опереться на плечо молодого слуги. Сохраняя на лице маску невозмутимости, он мысленно продолжал осыпать проклятиями Систему.

«Твою ж направо, это дохлое тело вообще дотянет до того момента, как героиня вырастет?»

[Не беспокойся, — поклялась Система, — подобных системных сбоев не случится]

Ле Тянь всерьез подозревал, что этот мир Система выбирала с особой тщательностью, лишь бы посильнее ему отомстить.

В этой реальности Линь Ле Тянь был не просто влиятельным евнухом, но и личностью весьма извращенной. Ему нравились маленькие девочки. Героиня — очаровательная маленькая «лоли», которой в этом году исполнилось всего восемь лет, — уже была взята этим безумцем на воспитание. Тот планировал подождать, пока она подрастет, чтобы «вкусить» её во всей красе.

Он, разумеется, не собирался заниматься подобными непотребствами. Он не был извращенцем. Но именно из-за этого ему теперь предстояло ждать взросления героини, чтобы потом найти ей подходящего любовника и благополучно стать рогоносцем!

В династии Юн девушки считались совершеннолетними в шестнадцать. Это значило, что Ле Тяню придется носить это звание еще восемь долгих лет!

«...Хочу умереть...»

Поскольку тело было крайне слабым и чувствительным к холоду, в комнатах постоянно поддерживали тепло. Стоило ему переступить порог, как окутавший его жар принес мимолетное облегчение. Для него апрельская весна была такой же невыносимо морозной, как лютая зима.

— Все вон, — тихо произнес он.

Целая толпа евнухов и служанок бесшумно испарилась из комнаты.

Только когда двери закрылись, Ле Тянь позволил себе с облегчением вздохнуть и, забыв о всяком достоинстве, свернулся калачиком на кровати, не выпуская из рук грелку. Линь Ле Тянь, державший в страхе весь двор, слыл человеком мрачным и жестоким. На людях он всегда держал спину прямо, и только в полном одиночестве он мог дать себе небольшую передышку.

Но не успел он перевести дух, как за дверью снова раздался голос молодого евнуха: — Ваше Тысячелетие, Его Величество желает вас видеть.

«Черт бы побрал этого сопляка, вечно ему что-то нужно»

Император династии Юн, Цзун Янь, был всего на два года старше героини Чжу Чучу — ему исполнилось десять. В памяти Линь Ле Тяня он остался сущим несмышленишем, который до крайности зависел от своего могущественного слуги-интригана и безгранично ему доверял.

Паланкин, украшенный узором «Девять драконов в облаках», мерно покачивался в воздухе. Его сопровождали восемь красавиц-служанок, а по бокам восемнадцать дюжих евнухов несли ярко-желтые балдахины, полагавшиеся по чину только императору. Стоило дворцовым слугам завидеть этот кортеж, они тут же склонялись в поклоне. Линь Ле Тянь происходил из бедной семьи, и, дорвавшись до власти, стал вести себя крайне дерзко, нарушая все мыслимые правила приличия. Но поскольку весь дворец был в его руках, никто не смел и слова сказать против.

Дворец Пурпурного Небосвода

Десятилетний Цзун Янь с распущенными волосами стоял на драконьем ложе и всюю капризничал, швыряя мягкие подушки в служанок. — Кто ты такая?! Проваливай! Где Малыш Линь? Я хочу, чтобы за мной ухаживал Малыш Линь!

— Ваше Величество, — Ле Тянь, завидев эту сцену еще издали, позволил себе едва заметную улыбку.

— Малыш Линь! — едва завидев его, Цзун Янь забыл обо всех остальных.

Он босиком спрыгнул с кровати и бросился к Ле Тяню. Врезавшись в него, мальчик крепко обхватил мужчину за талию, уткнулся лицом в его одеяния и радостно пожаловался: — Где ты был? Я проснулся, не увидел тебя и испугался.

Линь Ле Тянь был статным и высоким, так что десятилетний Цзун Янь едва доставал ему до груди. Он мягко погладил по голове юного императора и меланхолично произнес: — Ваше Величество, вам пора взрослеть.

«Давай, расти быстрее, а потом наставь мне рога»

Система, верно, потратила немало сил, чтобы помешать ему «портить» главных героев — теперь его буквально заставили нянчиться с ребенком.

Цзун Янь поднял голову. Лицо императора, возвращенного в холе и неге, напоминало нежный персик, а в больших черных глазах светились искренняя привязанность и упрямство. — Я хочу, чтобы ты всегда был рядом. Я ни на миг не могу оставить тебя.

Ле Тянь поправил выбившуюся прядь в прическе мальчика и мягко проговорил: — Позвольте вашему рабу помочь вам с умыванием.

Перед зеркалом, гладь которого напоминала застывшую желтую воду, Цзун Янь, не мигая, наблюдал за тем, как искусные руки ловко укладывают его волосы. Закрепив последнюю

нефритовую шпильку, Ле Тянь нежно произнес: — Ваше Величество, готово. Прошу, велите подавать трапезу.

Цзун Янь соскочил с золотого кресла и снова обхватил Ле Тяня за тонкую талию, глубоко вдохнув запах его одежд. — Малыш Линь, ты так чудесно пахнешь. Поешь со мной, а?

— Ваше Величество, это не соответствует правилам, — юноша слегка похлопал императора по рукам и с тихим вздохом добавил: — Не ставьте своих рабов в неловкое положение.

Цзун Янь еще немного помедлил, прижимаясь к нему, а затем неохотно отпустил, выглядя совершенно расстроенным. — Быть императором — такая скука.

При этих словах все служанки и евнухи в комнате буквально задеревенели. Каждому из них в этот миг хотелось оглохнуть.

Ле Тянь взял мальчика за руку. Ощувив мертвенный холод его ладони, Цзун Янь испуганно вскрикнул и поспешил обхватить её обеими руками, пытаясь согреть своим дыханием. — Малыш Линь, у тебя руки ледяные! Где твоя грелка? — он обернулся к слугам и яростно закричал: — Псы паршивые! Как вы смеее так плохо заботиться о своем господине?!

— Ваше Величество, — Девятитысячелетний медленно опустился на корточки, чтобы их глаза оказались на одном уровне. На его бледном лице заиграла легкая улыбка. — В этом дворце есть только один господин. Прошу вас, не говорите так больше.

Цзун Янь лишь надул губы и промолчал. Ле Тянь жестом подозвал слугу, взял грелку и сжал её вместе с руками мальчика.

— Эта грелка — милость, которую может даровать только Ваше Величество. Пока вы император — вашему рабу есть на кого опереться. Ваше Величество, вы — мое небо.

В прекрасных глазах-фениксах вспыхнул такой яркий свет, что сердце Цзун Яня наполнилось небывалым жаром и решимостью. — Хорошо! — гордо воскликнул он. — Пока я здесь, никто не посмеет тебя обидеть!

Ле Тянь прищурился в улыбке. — Тогда обещайте мне впредь не говорить подобных глупостей про «скуку», договорились?

Цзун Янь послушно кивнул: — Угу, я буду во всем слушаться Малыша Линя.

Ле Тянь про себя вздохнул.

«Как же утомительно нянчиться с детьми»

[Классическая модель коварного временщика...]

Вся нежность Линь Ле Тяня предназначалась лишь одному человеку. Стоило ему выйти из покоев, как лицо его мгновенно заледенело. Обратившись к главному евнуху Дворца Пурпурного Небосвода, он сухо бросил: — Ты плохо справляешься со службой. Ступай, получи десять ударов палками.

— Благодарю за милость, — пролепетал тот, дрожа всем телом.

Что ни говори, а власть его была воистину безграничной. В этом дворце люди куда больше боялись капризного и непредсказуемого Девятитысячелетнего, чем маленького императора. Истинным правителем здесь был именно он. Тот, однако, не чувствовал от этого никакой радости. Скрывшись за серебристо-белыми шторами паланкина, он негромко кашлянул и произнес: — С завтрашнего дня Чучу будет прислуживать Его Величеству во внутренних покоях.

Только что приговоренный к побоям евнух, заикаясь, ответил: — Будет исполнено.

О Чжу Чучу, новой фаворитке Девятитысячелетнего, во дворце знали многие. Но никто не мог понять, что затевает Линь Ле Тянь на этот раз. Свернувшись внутри паланкина и прижимая к себе грелку, он сжал кулак.

«Рогоносцев нужно растить с молодых ногтей»

Вернувшись к себе, Ле Тянь впервые призвал к себе главную героиню этого мира — Чжу Чучу. Когда служанка привела девочку, он невольно замер.

«О боги, какая очаровательная кроха!»

Личико — словно выточенное из розового мрамора, глаза-миндалины светятся умом и живостью, а когда она улыбается, на щеках появляются две милые ямочки. Она была еще слишком мала, чтобы осознавать, насколько страшен человек, сидящий перед ней. Увидев Ле Тяня, она изящно поклонилась и радостно воскликнула: — Ваше Тысячелетие, вы наконец-то вспомнили обо мне!

— Подойди ближе, — юноша бессильно махнул рукой.

Служанка легонько подтолкнула девочку. Чжу Чучу вприпрыжку подбежала к мужчине и

доверчиво прижалась к его коленям. — Ваше Тысячелетие, вы такой красивый! — сладко пропела она.

«Она слишком милая! Хочется просто затискать её до смерти!»

Система была в шоке.

[Что за опасные речи? Я всегда считала, что слоны — существа мирные...]

У Ле Тяня внутри всё буквально таяло от восторга, ему хотелось схватить героиню и затискать её, но, помня о своей роли мрачного извращенца, он сохранил холодное выражение лица. — С завтрашнего дня ты отправишься во Дворец Пурпурного Небосвода прислуживать Его Величеству.

Для Чжу Чучу это прозвучало как гром среди ясного неба. — Ваше Тысячелетие, вы... вы больше не хотите меня видеть?

Внутренний голос Ле Тяня вопил.

«Милая, как папочка может тебя бросить?!»

Но внешне он остался непоколебим: — Иди.

Девочка прикусила губу и надолго задумалась. Наконец она подняла голову и твердо произнесла: — Ваше Тысячелетие, не беспокойтесь! Я буду преданно служить Его Величеству и помогу вам укрепить вашу власть во дворце!

«Какое похвальное рвение, дитя... Жаль только, что твоя истинная задача — наставить мне рога»

Когда Чжу Чучу ушла, Ле Тянь отослал всех слуг и решительно заявил Системе: «Я решил! Я буду оберегать свою лучшую дочурку! Она обязательно станет императрицей!»

Система хотела что-то возразить, но промолчала. В конце концов, пока Ле Тянь исправно выполняет задание и не устраивает хаос, пусть делает что хочет.

<http://bllate.org/book/15325/1411496>